

ЗАДОНЩИНА

За основу взят древнерусский текст «Задонщины», опубликованный в книге «Сказания и повести о Куликовской битве» под ред. Л.А.Дмитриева. Наука, Л.,1982. Мною сделана ритмическая и смысловая разбивка текста. Это позволяет показать сюжетную логику и стилистические особенности «Задонщины».

Мамай пришел на Русскую землю. Идет сбор войск в Русской и Литовской земле. Потом ополчение выступает в поход. Первое столкновение с врагом оказывается очень тяжелым, описывается печальное зрелище на поле Куликовом, а так же – плач русских жен. Этот плач дает силы русским воинам и они, продолжая битву, одерживают победу. Мамай бежит с поля боя, и теперь плач звучит в татарской земле, а русские воины поминают и оплакивают своих погибших.

Фразы, как узор, переплетаются, слова вязью подцепляют друг друга, ведя мысль от абзаца к абзацу, от рассказа к рассказу. Два исполнителя составляют «слово к слову»: первый ведет основную тему, второй отзывается, первый говорит за одного князя, второй – за другого, первый задает вопросы, второй дает ответы.

Древнерусский текст

Слово о великом князе Дмитрее Ивановиче и о брате его – князе Владимире Андрѣевиче, яко побѣдили супостата своего – царя Мамаю

Князь великий Дмитрей Ивановичь
с своим братом с княземъ Владимиром Андрѣевичем
и своими воеводами были на пиру у Микулы Васильевича.

«Вѣдомо намъ, брате, что у быстрого Дону
царь Мамай пришел на Рускую землю,
а идет к намъ в Залѣскую землю.

Пойдем, брате, тамо –
в полунощную страну жребия Афетова-сына Ноева,
от него же родися Русь православная,
взыдем на горы Киевския,
и посмотрим славного Непра,
и посмотрим по всей земли Руской,
и оттоля – на восточную страну жребия Симова-сына Ноева,
от него же родися хиновя, поганые татаровя-бусормановя,
тѣ бо на рекѣ на Каялѣ одолѣша родѣ Афѣтов,
и оттолЯ – Руская земля сѣдитъ невеселА,
а от Калатьския рати до Мамаева побоища –
тугою и печалию покрывшася,
плачущися, чады своя поминаючи, князи и бояря,
и удалые люди, иже оставиша вся дома своя
и богатество, жены и дѣти, и скот,

честь и славу мира сего получивши,
главы своя положиша за землю за Рускую
и за вѣру християньскую».

Преже восписах жалость земли Руские и прочее, от кних приводя,
потом же списах жалость и похвалу великому князю Дмитрею Ивановичю
и брату его князю Владимиру Андрѣевичю.

Снидемся, братия и друзи и сынове рускии,
составим слово к слову,
возвѣселим Рускую землю,
и возвѣрзем печаль на Восточную страну в Симов жребий,
и воздадим поганому Момаю побѣду,
а великому князю Дмитрею Ивановичю – похвалу,
и брату его князю Владимиру Андрѣевичю,
и рцем таково слово:
«Лудчи бо нам, брате,
начати повѣдати иными словесы о похвальных сихъ,
о нынешних повѣстех о полку великого князя Дмитрея Ивановича
и брата его князя Владимира Андрѣевича,
а внуки святого великаго князя Владимира Киевскаго».

Начаша ти «повѣдати» по дѣлом и по былинам,
не проразимся мыслию по землям,
и помянем первых лѣт времена,
похвалим вѣщаго Бояна – горазна гудца.

В Киеве тот бо вѣщий Боянь
воскладоша горазная своя персты на живыя струны,
пояше руским князем славы:
первую славу – великому князю киевскому Игорю Рюриковичю,
2 – великому князю Владимиру Святославичю Киевскому,
третюю – великому князю Ярославу Володимировичю.

Аз же помяну резанца Софония
и восхваляю пѣснями и гусленными буйными словесы
сего великаго князя – Дмитрея Ивановича
и брата его князя Владимира Андреевича,
а внуки святого великаго князя Владимира Киевскаго,
и пѣние князем руским за вѣру християньскую,
а от Калатские рати до Момаева побоища 160 лѣт,
се бо князь великий Дмитрей Ивановичь
и братъ его князь Владимиръ Андрѣевичь,
помолися Богу и пречистой его Матери,
истезавше ум свой крѣпостию,
и поостриша сердца свои мужеством,
и наполнишася ратного духа,
уставиша собѣ храброя полькы в Руской землѣ
и помянуша прадѣда своего – великаго князя Владимира Киевскаго.

Оле, жаворонок – лѣтняя птица, красных дней утѣха!
Возлѣти под синие облакы,
посмотри к силному граду Москвѣ,
воспой славу великому князю Дмитрею Ивановичю
и брату его князю Владимиру Андрѣевичю!

Ци буря соколи зонесет из земля Залѣския в полѣ Половецкое?

На Москвѣ кони ржут – звѣнит слава по всей земли Руской,
трубы трубят на Коломнѣ – бубны бьют в Серпугове,
стоят стязи у Дону великого на брезѣ –
звонять колоколы вѣчныя в Вѣликом Новегородѣ.

Стоят мужи навгородцкие у святыя Софии,
аркучи тако:
«Уже нам, брате,
не поспѣтъ на пособѣ к великому князю Дмитрею Ивановичю».

И как слово изговаривают – уже аки орли слѣтѣшася.

То ти были «не орли слѣтѣшася» –
выехали посадники из Великого Новгорода,
а с ними 7000 войска
к великому князю Дмитрею Ивановичю
и к брату его князю Владимиру Андрѣевичю.

На пособе к славному граду Москвѣ съехалися вси князи руские,
аркучи таково слово:
«У Дону стоят татаровя поганые,
и Момай царь на реки на Мечи,
межу Чюровым и Михайловым брѣсти хотят,
а предати живот свой нашей славѣ».

И рече князь великий Дмитрей Ивановичь:
«Брате князь Владимирѣ Андреевичь!
Пойдем тамо,
укупим животу своему славы,
учиним землям диво,
а старым – повесть,
а молодым – память,
а храбрых своих испытаем,
а реку Дон кровью прольем
за землю за Рускую и за вѣру крестьяньскую!»

И рече им князь великий Дмитрей Ивановичь:
«Братия и князи руские!
Гнѣздо есмя были великого князя Владимира Киевскаго,
не в обиде есми были по рождению
ни соколу, ни ястребу, ни крѣчату,
ни черному ворону, ни поганому сему Момаю».

О, соловей, лѣтняя птица!
Что бы ты, соловей, выщекотал славу
великому князю Дмитрею Ивановичю
и брату его князю Владимиру Андрѣвичю,
и земли литовской дву братом Олгордовичем –
Андрѣю и брату его Дмитрею –
да Дмитрею Волыньскому?

Тѣ бо суть сынове храбры кречаты,
в ратном времени вѣдомы полководцы,
под трубами повити,
под шеломы възлелѣаны,
конецъ копия вскормлены,
с востраго меча поены.

В Литовской земли
молвяше Андрѣй Олгордович своему брату:
«Брате Дмитрей!
сами есмя собѣ два браты –
сынове Олгордовы,
а внуки есмя Едимантовы,
а правнуки есми Сколомендовы.

Збѣрем, брате, милые пановя,
удалые Литвы храбрых удалцов,
а сами сядем на свои борзи комони
и посмотрим быстрого Дону,
и спиемъ шеломом воды,
и спытаем мечев своих литовских о шеломы татарские,
а сулицъ немецких – о боеданы бусорманские!»

И рече ему Дмитрей:
«Брате Андрѣй!
Не пощадим живота своего
за землю за Рускую и за вѣру крестьяньскую
и за обиду великаго князя Дмитрея Ивановича!»

«Уже бо, брате, стук стучит и гром грѣмит в каменом граде Москвѣ».

«То ти, брате, не «стукъ стучить», ни «гром гремит» –
стучит сильная рать великаго князя Дмитрея Ивановича.
Гремят удалцы руские злаченными доспѣхи и черлеными щиты.

Сѣдлай, брате Андрѣй, свои борзи комони,
а мои готови, напреди твоих осѣдлани,
выедем, брате, в чистое полѣ
и посмотрим своих полковъ,
колько, брате, с нами храбрые литвы?»

«А храбрые литвы с нами 70 000 окованные рати».

Уже бо, брате,
возвеша сильнии вѣтри с моря на усть Дону и Непра,
прилелѣяша великиа тучи на Рускую землю,
из них выступают кровавые зори,
а в них трепещут синие молнии:
быти стуку и грому великому
на речке Непрядвѣ между Доном и Непром,
пАсти трупу человеческому на поле Куликовѣ,
пролитися крови на речьке Непрядвѣ!

Уже бо въскрипѣли телегы,
межу Доном и Непром идут хинове на Русскую землю,
и притѣкоша сѣрые волцы от усть Дону и Непра
и ставши, воют на рекѣ на Мечи,
хотят наступати на Рускую землю.

То ти были не «сѣрые волцы» – приидоша поганые татаровя,
хотят пройти воюючи всю Рускую землю.

Тогда гуси возгоготаша и лѣбѣди крилы въсплескаша.

То ти не «гуси возгоготаша», ни «лѣбѣди крилы въсплескаша» –
но поганый Момай пришел на Рускую землю и вои своя привел.

А уже бѣды их пасоша,
птицы крылати под облакы летают,
вороны часто грают,
а галицы своею рѣчью говорят,
орли хлѣкчют,
а волцы грозно воют,
а лисицы на кости брешут.

Руская земля – то первое еси, как за царем за Соломоном побывала.

А уже соколи и кречати, белозерские ястреби
рвахуся от золотых колодиць ис камена града Москвы,
обриваху шевковыя опутины,
возвиваючися под синия небеса,
звонечи злачеными колоколы,
на быстром Дону хотят ударити
на многие стады гусинья и на лебединыя.
А богатыри – руския удалцы – хотят ударити
на великия силы поганого царя Мамай.

Тогда князь великий Дмитрий Ивановичь,
воступив во золотое свое стрѣмя,
всѣдъ на свой борзый конь,
и взем свой мечь в правую руку,
и помолися Богу и пречистой его Матери.
Солнце ему ясно на вѣстоцы сияет и путь повѣдает,

а Борисъ и Глѣбъ молитву воздают за сродники своя.

Что шумит и что грѣмит рано пред зорями? –
князь Андрѣевичъ полки пребирает
и ведет к великому Дону,
и молвяше брату своему –
великому князю Дмитрею Ивановичю:
«Не ослабляй, брате, поганым татаровям,
уже бо поганые поля русские наступают
и вотчину нашу отнимают!»

И рече ему князь великий Дмитрий Ивановичъ:
«Брате Владимиръ Андрѣевичъ!
Сами себѣ есми два брата,
а внуки великаго князя Владимира Киевскаго,
а воеводы у нас уставлены: 70 бояринов,
и крѣпцы бысть:
князи бѣлозѣрстии – Федор Семеновичъ да Семен Михайловичъ –
да Микула Васильевичъ,
да два брата Олгордовичи да Дмитрий Вольньской,
да Тимофей Волуевичъ да Андрѣй Серкизовичъ да Михайло Ивановичъ,
а вою с нами – триста тысящ окованные рати.

А воеводы у нас крепкия,
а дружина свѣдома,
а под собою имѣем борзых комони,
а на собѣ злаченни доспѣхи,
а шеломы черкаские,
а щиты московские,
а сулицы немѣцкие,
а кинжалы фряские,
мѣчи булатные.

А пути им сведоми,
а перевозы им изготовлены,
но еще хотят сильно – головы своя положить
за землю за Рускую и за вѣру крестьянскую;
пашут бо ся аки живи хоругови,
ищут собѣ чести и славного имени».

* * *

Уже бо тѣ соколи и кречати, бѣлозерскыя ястреби
за Дон борзо перелѣтели
и ударилися на многие стада
на гусиные и на лѣбѣдиные.

То ти быша ни «соколи», ни «кречети» –
то ти наехали русские князи на силу татарскую,
и удариша копия харалужныя о доспѣхи татарские,
возгрѣмили мечи булатные о шеломы хиновские
на полѣ Куликове на рѣчке Непрядвѣ.

Черна земля под копыты,
а костми татарскими поля насѣяша,
а кровью ихъ земля пролита бысть,
а силныи полки ступишася вмѣсто
и протопташа холми и луги,
и возмутишася рѣки и потоки и озера.

Кликнуло диво в Руской земли,
велит послушати грознымъ землямъ.
Шибла слава к Желѣзнымъ Вратамъ,
и къ Караначи, к Риму,
и к Кафе по морю, и к Торнаву,
и оттолѣ – ко Царюграду
на похвалу рускимъ княземъ:
«Русь великая одолѣша рать татарскую
на полѣ Куликове на речкѣ Непрядвѣ!»

На томъ полѣ силныи тучи ступишася,
а изъ нихъ часто сияли молыньи,
и гремѣли грома велиции.

То ти «ступишася» руские сынове с погаными татарами
за свою великую обиду,
а в нихъ сияли доспѣхы злаченые,
а гремѣли князи руские мечьми булатными о шеломы хиновские,
а билися из утра до полудни в субботу на Рожество святѣй Богородицы.

Не тури възрыкали у Дону великаго на полѣ Куликове?

То ти нѣ «тури» побѣждени у Дону великаго,
но посѣчены князи руские и бояры
и воеводы великаго князя Дмитрея Ивановича,
побѣждени князи бѣлозерстии от поганыхъ татаръ –
Федор Семеновичъ да Семен Михайловичъ –
да Тимофѣй Волуевичъ да Микула Васильевичъ,
да Андрѣй Серкизовичъ да Михайло Ивановичъ,
и иная многая дружина.

Пересвѣта-чернеца – брянскаго боярина на суженое мѣсто привели.
И рече Пересвѣт-чернецъ великому князю Дмитрею Ивановичю:
«Лутчи бы намъ потятымъ быть,
нежели полоненымъ быти от поганыхъ татаръ».

Тако бо Пересвѣтъ поскакиваетъ на своемъ борзомъ конѣ,
а злаченымъ доспѣхомъ посвѣчиваетъ,
а иныи – лѣжатъ посечены у Дону великаго на брезѣ.

И в то время стару надобно помолодѣти,
а удалымъ людямъ плечъ своихъ попытать.
И молвяше Ослябя-чернецъ своему брату Пересвѣту-старцу:
«Брате Пересвѣте, вижу на телѣ твоёмъ раны великия,

уже, брате, лѣтъти главе твоей на траву ковыль,
а чаду моему Иякову лѣжати на зелѣнѣ ковылѣ-траве
на полѣ Куликове на речке Непрядве
за вѣру крестьянскую и за землю за Рускую,
и за обиду великого князя Дмитрея Ивановича».

И в то время по Резанской земле около Дону
ни ратаи, ни пастухи в полѣ не кличут,
но только часто вороны грают трупу ради человеческого.
Грозно бо бѣше и жалостно тогда слышати,
занеже трава кровию пролита бѣсть,
а дрѣвеса тугою к земли приклонишася,
и воспѣли бѣше птицы жалостныя пѣсни,
всплакашася вси княгини и боярыни
и вси воеводскіе жены о избіенныхъ.

* * *

Микулина жена Васильевича Марья рано плакаша,
у Москвы-града на забралах аркучи тако:
«Доне, Доне, быстрая река!
Прорыла еси ты каменные горы и течеси в землю Половецкую,
прилѣлѣй моего господина Микулу Васильевича ко мнѣ!»

А Тимофѣева жена Волуевича Федосья тако же плакашася,
аркучи тако:
«Се уже веселие мое пониче во славном граде Москве,
и уже не вижу своего государя Тимофея Волуевича в животѣ!»

А Ондрѣева жена Марья да Михайлова жена Оксинья рано плакашася:
«Се уже обѣмя нам солнце померкло в славном граде Москвѣ,
припахнули к нам от быстрого Дону
полоняныя вѣсти, носяще великую бѣду,
и выседоша удалцы з боръзыхъ коней на суженое мѣсто
на полѣ Куликове на речке Непрядве».

А уже диво кличет под саблями татарскими,
а тѣм рускымъ богатырем под ранами
туто щурове рано воспѣли жалостныя пѣсни
у Коломны на забралах на воскресение
на Акима и Аннинъ день.

То ти было не «щурове рано воспѣша жалостныя пѣсни» –
восплакалися жены коломенскіе,
аркучи тако:
«Москва, Москва, быстрая река!
Чему еси залелѣяла мужей наших от насъ в землю Половецкую!»,
аркучи тако:
«Можеш ли, господине князь великий,
веслы Нѣпръ зоградити,
а Донъ шоломы вычръпати,
а Мечу-рѣку трупы татарскими запрудити?»

Замкни, государь князь великий, Окъ-рекъ ворота,
чтобы потом поганые татаровя к нам не ѳздили,
уже мужей нашихъ рать трудила».

* * *

Того же дни в субботу
на Рожество святыя Богородицы
исекша христиани поганые полки
на полъ Куликове на речъке Непрядвѣ.

И нюкнув князь Владимиръ Андрѣевичъ гораздо,
искакаше по рати во полщех поганых в татарских,
а злаченным шеломом посвѣчиваючи,
грѣмят мечи булатные о шеломы хиновские,
и восхвалит брата своего великого князя Дмитрея Ивановича:
«Брате Дмитрей Ивановичъ!
Ты еси у златошна времени желѣзное зобороло.
Не оставай, князь великий, с своими великими полкы,
не потакай крамольником!
Уже бо поганые татары поля наша наступают,
а храбрую дружину у нас истеряли,
а в трупи человекъе борзи кони не могут скочити,
а в крови по колѣно бродят,
а уже бо, брате, жалостно видети кровь крестьяньская.
Не уставай, князь великий, съ своими бояры!»

И князь великий Дмитрей Ивановичъ рече своим боярам:
«Братия бояра и воеводы, и дѣти боярские!
То ти ваши московские «сладкие мѣды» и «великие мѣста»,
туто добудѣте себѣ мѣста и своим женам!»

«Гуто, брате, стару помолодѣть, а молодому чести добыть».

И рече князь великий Дмитрей Ивановичъ:
«Господи Боже мой, на тя уповахъ!
Да не постыжуся в вѣк,
ни да посмѣют ми ся враги моя мнѣ»,
и помолися Богу и пречистой его Матери
и всѣм святым его,
и прослезися горко,
и утер слезы.

И тогда аки соколы борзо полѣтѣша на быстрый Донь.

То ти не «соколи полѣтѣша» –
поскакивает князь великий Дмитрей Ивановичъ
с своими полки за Дон со всею силою, и рече:
«Брате князь Владимир Андрѣевичъ!
Тут, брате, испити медовыя чары повѣденые,
наеждаем, брате, своими полки сильными
на рать татаръ поганых!»

Тогда князь великий почаль наступати,
гремят мѣчи булатные о шеломы хиновские,
и поганые покрыша главы своя руками своими.
Тогда поганые борзо вспять отступиша –
и от великого князя Дмитрея Ивановича стези ревут,
а поганые – бѣжать,
а руские сынове широкие поля кликом огородиша
и злачеными доспѣхами осветиша.

Уже бо ста тур на оборонь.

Тогда князь великий Дмитрей Ивановичь
и брат его князь Владимирь Андрѣевичь
полки поганых вспять поворотили
и нача ихъ бити и сечи горазно,
тоску имъ подаваше,
и князи их падоша с коней,
а трупми татарскими поля насеяша,
и кровию ихъ реки протекли.

Туто поганые разлучишася розно,
и побѣгше неуготованными дорогами в лукоморье,
скрегчюще зубами своими и дерущи лица своя,
аркуче такъ:

«Уже нам, брате,
в земли своей не бывати
и дѣтей своих не видати,
а катунь своих не трепати,
а трепати намъ сырая земля,
а цѣловати намъ зелена мурова,
а в Русь ратию нам не хаживати,
а выхода нам у русских князей не прашивати».

* * *

Уже бо вѣстонала земля татарская, бѣдами, тугою покрывшася,
уныша бо царемъ их хотѣние и княземъ – похвала на Рускую землю ходити,
уже бо веселие их пониче.

Уже бо руские сынове разграбиша татарские узорочья,
и доспѣхи и кони, и волы и верблуды, и вино и сахар, и дорогое узорочие,
камкы на сычеве везут женам своимъ.

Уже жены руские восплескаша татарским златом,
уже бо по Руской земле простресея веселие и буйство,
вознесесе слава руская на поганых хулу.

Уже бо вержено диво на землю,
и уже грозы великаго князя Дмитрея Ивановича
и брата его князя Владимира Андрѣевича
по всем землям текут.

Стрѣляй, князь великій, по всѣмъ землям,
стрѣляй, князь великій, с своею храброю дружиною
поганого Мамай-хиновина за землю Рускую,
за вѣру христьянскую!

Уже поганые оружия своя повергоша,
а главы своя подклониша под мечи русские.
и трубы их не трубят, и уныша гласи их.

И отскочи поганый Мамай
от своея дружины серым волком
и притече к Кафе-граду.

Молвяше же ему фрязове:
«Чему ты, поганый Мамай, посягаешь на Рускую землю?
То ты била орда Залѣская, а не бывати тобѣ в Батыя-царя.
У Батыя царя было четыреста тысящ окованные рати,
а воевал всю Рускую землю от востока и до запада.
а казнил Богъ Рускую землю за своя согрѣшения.

И ты пришел на Рускую землю, царь Мамай, со многими силами:
з дѣвятью ордами и 70 князьями,
а нынѣ ты, поганый, бѣжишь сам-девят в лукоморье,
не с кем тебѣ зимы зимовати в полѣ.
Нѣшто тебя князи русские горазно подчивали: ни князей с тобою, ни воевод?
Нѣшто гораздо упилися у быстрого Дону на полѣ Куликовѣ на травѣ ковылѣ?
Побѣжи ты, поганый Момай, от насъ по задлѣшыю!»

* * *

Уподобилася еси земля Руская милому младенцу у матери своей:
его же мати тешить, а рать – лозою казнит.
А добрая дѣла милуютъ его.

Тако господь Богъ помиловал князей русских,
великого князя Дмитрея Ивановича
и брата его князя Владимирера Андрѣевича
меж Дона и Непра,
на полѣ Куликовѣ на рѣчки Непрядвѣ.

И стал великий князь Дмитрей Ивановичь
съ своим братом с князем Владимиром Андрѣевичем
и со остальными своими воеводами на костѣхъ
на полѣ Куликове на речке Непрядвѣ.

Грозно бо и жалосно, брате, в то время посмотри,
иже лѣжат трупи крестьянские акы сѣннии стоги
у Дона великого на брѣзе.
А Дон-река три дни кровию текла.

И рече князь великий Дмитрей Ивановичь:

«Считайтесь, братия, колько у нас воевод нѣт
и колько молодых людей нет».

Тогда говорит Михайло Александровичъ – московский боярин
князю Дмитрѣю Ивановичю:

«Господине князь великий Дмитрѣй Ивановичь!

Нету, государь, у нас 40 бояринов московских, 12 князей бѣлозѣрских,
30 новгородских посадников, 20 бояринов коломенских, 40 бояр серпуховскихъ,
30 панов литовскихъ, 20 бояр переславских, 25 бояр костромских,
35 бояр володимеровских, 50 боярѣ суздальских, 40 боярѣ муромских,
70 бояр рѣзаньских, 34 бояринов ростовских, 23 бояр дмитровских,
60 бояр можайских, 30 бояр звенигородских, 15 бояр углецкихъ.
А посечено от бѣзбожнаго Мамаю полтретья ста тысящ и три тысящи».

И помилова Богъ Рускую землю.

А татарѣ пало безчислено многое множество.

И рече князь великий Дмитрей Ивановичь:

«Братия бояра и князи, и дѣти боярские!

То вам сужено мѣсто меж Доном и Непром,
на полѣ Куликове на речке Непрядвѣ,
и положили есте головы своя за святыя церквы,
за землю за Рускую и за вѣру крестьяньскую.

Простите мя, братия, и благослите в сем вѣце и в будущем.

И пойдём, брате князь Владимир Андрѣевичь,
во свою Залескую землю к славному граду Москве
и сядем, брате, на своем княжение.
А чести есми, брате, добыли
и славного имени!»

Богу нашему слава.

Перевод

**Слово о великом князе Дмитрие Ивановиче и о брате его – князе Владимире
Андреевиче, что победили супостата своего – царя Мамаю**

(Запевка)

Князь великий Дмитрий Иванович
со своим братом с князем Владимиром Андреевичем
и своими воеводами были на пиру у Микулы Васильевича.

«Ведомо нам, брат, что у быстрого Дона
царь Мамай пришел на Русскую землю,
и идет к нам в Залескую землю.

Пойдем, брат, туда –
в полуночную сторону жребия Афетова-сына Ноева,

от него же родилась Русь православная,
взойдем на горы Киевские,
и посмотрим на славный Днепр,
и посмотрим по всей земле Русской,
и оттуда – на восточную сторону жребия Симова-сына Ноева,
от него же родились хинове, поганые татары-басурманы,
те что на реке на Каяле одолели род Афетов,
и оттого – Русская земля сидит невесела,
а от Калкской рати до Мамаева побоища –
горем и печалью покрывшись,
плача, чад своих вспоминая, князей и бояр,
и удалых людей, что оставили все дома свои
и богатство, жен и детей, и скот,
честь и славу мира сего получив,
головы свои положили за землю Русскую
и за веру христианскую».

Сначала описал жалость к земле Русской и прочее, из книг приводя,
потом же записал жалость и похвалу великому князю Дмитрию Ивановичу
и брату его – князю Владимиру Андреевичу.

Сойдемся, братья и друзья и сыновья русские,
составим слово к слову,
возвеселим Русскую землю,
и низвергнем печаль на восточную сторону – в Симов жребий,
и воздадим поганому Мамаю победу,
а великому князю Дмитрию Ивановичу – похвалу,
и брату его – князю Владимиру Андреевичу,
и скажем такое слово:
«Лучше-то нам, брат,
начать поведать иными словами о похваленных этих,
о нынешних повестях о полку великого князя Дмитрия Ивановича
и брата его – князя Владимира Андреевича,
а внуков святого великого князя Владимира Киевского».

Начав тебе «поведать» по делам и по былинам,
не перебьемся мыслями по землям,
и помянем первых лет времена,
похвалим вещего Бояна – умелого гудца.

В Киеве тот-то вещей Боян,
воскладавал умелые свои персты на живые струны,
пел русским князьям славы:
первую славу – великому князю киевскому Игорю Рюриковичю,
2 – великому князю Владимиру Святославичу Киевскому,
третью – великому князю Ярославу Владимировичу.

Я же помяну рязанца Софония
и восхваляю песнями и гусельными буйными словами
ЭТОГО великого князя – Дмитрия Ивановича
и брата его – князя Владимира Андреевича,
а внуков святого великого князя Владимира Киевского,

и пение князьям русским за веру христианскую,
а от Калкской рати до Мамаева побоища 160 лет,
потому что князь великий Дмитрий Иванович
и брат его – князь Владимир Андреевич,
помолились Богу и пречистой его Матери,
истерзав ум свой крепостью,
и поострили сердца свои мужеством,
и наполнились ратного духа,
снарядили себе храбрые полки в Русской земле,
и помянули прадеда своего – великого князя Владимира Киевского.

(Сбор русских войск)

Оле, жаворонок – летняя птица, красных дней утеха!
Взлети под синие облака,
посмотри к сильному городу Москве,
воспой славу великому князю Дмитрию Ивановичу
и брату его – князю Владимиру Андреевичу!

Неужели буря соколов занесет из земли Залесской в поле Половецкое?

На Москве кони ржут – звенит слава по всей земле Русской,
трубы трубят на Коломне – бубны бьют в Серпухове,
стоят стяги у Дона великого на берегу –
звонят колокола вечные в Великом Новгороде!

Стоят мужи новгородские у Святой Софии,
говоря так:
«Уже нам, брат,
не успеть на подмогу к великому князю Дмитрию Ивановичу».

И как слово проговаривают – уже как орлы слетелись.

То тебе были «не орлы слетелись» –
выехали посадники из Великого Новгорода,
а с ними 7000 войска,
к великому князю Дмитрию Ивановичу
и к брату его – князю Владимиру Андреевичу.

На подмогу к славному городу Москве съехались все князья русские,
говоря такое слово:
«У Дона стоят татары поганые,
и Мамай-царь – на реке на Мече,
между Чуровым и Михайловым брести хотят,
и передать жизнь свою нашей славе».

И сказал князь великий Дмитрий Иванович:
«Брат князь Владимир Андреевич!
Пойдем туда,
закупим жизни своей славу,
учиним землям диво,
а старым – повесть,

а молодым – память,
а храбрых своих испытаем,
а реку Дон кровью зальем
за землю за Русскую и за веру христианскую!»

И сказал им князь великий Дмитрий Иванович:
«Братья и князья русские!
Гнездо – вы великого князя Владимира Киевского,
не в обиде вы по рождению
ни к соколу, ни к ястребу, ни к кречету,
ни к черному ворону, ни к поганому этому Мамаю!»

(Сбор литовских войск)

О, соловей, летняя птица!
Что бы ты, соловей, пропел во славу
великому князю Дмитрию Ивановичу
и брату его – князю Владимиру Андреевичу,
и земли литовской двум братьям Ольгердовичам –
Андрею и брату его Дмитрию –
да Дмитрию Волынскому?

Ведь они сыновья храбрых кречетов,
в ратном времени сведущих полководцев,
под трубами повиты,
под шлемами взлелеяны,
концом копья вскормлены,
с острого меча вспоены.

В Литовской земле
молвил Андрей Ольгердович своему брату:
«Брат Дмитрий!
Сами себе мы два брата –
сыновья Ольгердовы,
а внуки мы Гедиминовы,
а правнуки мы Сколоминдовы.

Соберем, брат, милых панов,
удалых Литвы храбрых удалцов,
а сами сядем на своих борзых коней
и посмотрим на быстрый Дон,
и попьем шлемом воды,
и испытаем мечи свои литовские о шлемы татарские,
а сулицы немецкие – о рогатины басурманские!»

И сказал ему Дмитрий:
«Брат Андрей!
Не пощадим живота своего
за землю за Русскую и за веру христианскую,
и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича!»

«Уже ведь, брат, стук стучит, и гром гремит в каменном городе Москве».

«То тебе, брат, не «стук стучит», не «гром гремит» – стучит сильная рать великого князя Дмитрия Ивановича. Гремят удальцы русские золочеными доспехами и червленеными щитами.

Седлай, брат Андрей, своих борзых коней,
а мои – готовы, вперед твоих оседланы,
выедем, брат, в чистое поле
и посмотрим в своих полках,
сколько, брат, с нами храброй литвы?»

«А храброй литвы с нами 70 000 окованной рати».

(Выступление в поход)

Уже ведь, брат,
завяли сильные ветра с моря на устье Дона и Днепра,
принесли великие тучи на Русскую землю,
из них выступают кровавые зори,
а в них трепещут синие молнии:
быть стуку и грому великому
на речке Непрядве между Доном и Днепром,
упасть трупы человеческому на поле Куликове,
пролиться крови на речке Непрядве!

Уже ведь заскрипели телеги,
между Доном и Днепром идут хинове на Русскую землю,
и прибежали серые волки от устья Дона и Днепра
и, ставши, воют на реке на Мече,
хотят наступать на Русскую землю.

То тебе были «не серые волки» – пришли поганые татары,
хотят пройти, воюя, всю Русскую землю.

Тогда гуси загоготали, и лебеди крыльями заплескали.

То тебе не «гуси загоготали» и не «лебеди крыльями заплескали» –
но поганый Мамай пришел на Русскую землю и войска свои привел.

А уже беды их пася,
птицы крылатые под облаками летают,
вороны часто грают,
а галки своей речью говорят,
орлы клекочут,
а волки грозно воют,
а лисицы на кости лают.

Русская земля – это первое есть, что за царем за Соломоном встало.*

А уже соколы и кречеты, белозерские ястребы
рвались от золотых колодок из каменного города Москвы,
обрывали шелковые путы,

взвиваясь под синие небеса,
звеня золочеными колокольчиками,
на быстром Дону хотят ударить
по многим стадам гусиным и по лебединым.
А богатыри – русские удалыцы – хотят ударить
по великим силам поганого царя Мамаю.

Тогда князь великий Дмитрий Иванович,
вступив в золотое свое стремя,
сел на своего борзого коня,
и взял свой меч в правую руку,
и помолился Богу и пречистой его Матери.
Солнце ему ясно на востоке сияет и путь возвещает,
а Борис и Глеб молитву воздают за родственников своих.

Что шумит и что гремит рано перед зорями? –
князь Андреевич полки собирает
и ведет к великому Дону,
и говорит брату своему –
великому князю Дмитрию Ивановичу:
«Не ослабляй, брат, поганым татарам,
уже ведь поганые на поля русские наступают
и отчину нашу отнимают!»

И сказал ему князь великий Дмитрий Иванович:
«Брат Владимир Андреевич!
Сами себе мы два брата,
а внуки великого князя Владимира Киевского,
а воеводы у нас поставлены – 70 бояр,
и силачи есть:
князья белозерские – Федор Семенович да Семен Михайлович –
да Микула Васильевич,
да два брата Ольгердовича да Дмитрий Волынский,
да Тимофей Волуевич да Андрей Серкизович да Михайло Иванович,
а войска с нами – триста тысяч окованной рати.

А воеводы у нас крепкие,
а дружина сведущая,
а под собой имеем борзых коней,
а на себе – золоченые доспехи,
а шлемы черкасские,
а щиты московские,
а сулицы немецкие,
а кинжалы итальянские,
мечи булатные.

А пути им ведомы.
а переправы им изготовлены;
но еще хотят сильно –
головы свои положить
за землю за Русскую и за веру христианскую,
двигаются как живые хоругви,

ищут себе чести и славного имени».

(Начало битвы)

Уже ведь те соколы и кречеты, белозерские ястребы
за Дон быстро перелетели
и накинулись на многие стада
на гусиные и на лебединые.

То тебе были ни «соколы», ни «кречеты» –
то тебе наехали русские князья на силу татарскую,
и ударили копыа каленые о доспехи татарские,
загremели мечи булатные о шлемы хиновские
на поле Куликове на речке Непрядве.

Черна земля под копытами,
а костями татарскими поля засеяли,
а кровью их земля полита была;
а сильные полки сошлись вместе
и протоптали холмы и луга,
и возмутились реки и потоки и озера.

Кликнуло диво в Русской земле,
велит послушать грозным землям,
Ударила слава к Железным Воротам
и к Караначеву, к Риму,
и к Кафе по морю, и к Тырнову,
и оттуда – к Царьграду
на похвалу русским князем:
«Русь великая одолела рать татарскую
на поле Куликове на речке Непрядве!»

На том поле сильные тучи сошлись,
а из них часто сияли молнии,
и гremели громы великие.

То тебе «сошлись» русские сыновья с погаными татарами
за свою великую обиду,
а у них сияли доспехи золоченые,
а гremели князья русские мечами булатными о шлемы хиновские,
а бились с утра до полудня в субботу на Рождество святой Богородицы.

Не туры захрипели у Дона великого на поле Куликове?

То тебе не «туры» побеждены у Дона великого,
но посечены князья русские и бояре
и воеводы великого князя Дмитрия Ивановича,
побеждены князья белозерские от поганых татар –
Федор Семенович да Семен Михайлович –
да Тимофей Волуевич да Микула Васильевич,
да Андрей Серкизович да Михайло Иванович,
и другие многие дружины.

Пересвета-чернеца – брянского боярина на уготованное место привели.
И сказал Пересвет-чернец великому князю Дмитрию Ивановичу:
«Лучше бы нам натруженным быть,
нежели усмирным быть от поганых татар».

Так-то Пересвет поскакивает на своем борзом коне,
а золочеными доспехами посвечивает,
а другие – лежат посеченные у Дона великого на берегу.

И в то время старому надобно помолодеть,
а удалым людям – плеч своих испытать.
И молвил Осляба-чернец своему брату Пересвету-старцу:
«Брат Пересвет, вижу на теле твоём раны великие,
уже, брат, лететь голове твоей на траву ковыль,
а чаду моему Иакову лежать на зеленой ковыле-траве
на поле Куликове на речке Непрядве
за веру христианскую и за землю за Русскую,
и за обиду великого князя Дмитрия Ивановича».

И в то время по Рязанской земле около Дона
ни пахари, ни пастухи в поле не кличут,
но только часто вороны каркают из-за трупа человеческого.
Страшно ведь было и жалостно о том слышать,
поскольку трава кровью пролита была,
а деревья от горя к земле приклонились,
и запели птицы жалостные песни,
заплакали все княгини и боярыни
и все воеводские жены об убитых.

(Плач русских жен)

Микулина жена Васильевича – Марья рано плакала,
у Москвы-города на забралах говоря так:
«Дон, Дон, быстрая река!
Прорыла ты каменные горы и течешь в землю Половецкую,
принеси моего господина Микулу Васильевича ко мне!»

А Тимофеева жена Волуевича – Федосья так же плакалась,
говоря так:
«Теперь уже веселье мое поникло в славном городе Москве,
и уже не увижу своего государя Тимофея Волуевича живым!»

А Андреева жена – Марья да Михайлова жена – Акси́нья рано плакались:
«Вот уже обеим нам солнце померкло в славном городе Москве,
пахнули к нам от быстрого Дона
пленные вести, неся великую беду,
и пересели удалыцы с борзых коней на уготованное место
на поле Куликове на речке Непрядве».

А уже диво кличет под саблями татарскими,
а тем русским богатырям под ранами

тут щуры рано запели жалостные песни
у Коломны на забралах в воскресенье
на Акима и Аннин день.

То тебе было не «щуры запели жалостные песни» –
заплакали жены коломенские,
говоря так:
«Москва, Москва, быстрая река!
К чему занесла мужей наших от нас в землю Половецкую!»,
говоря так:
«Можешь ли, господин князь великий,
веслами Днепр заградить,
а Дон шлемами вычерпать,
а Мечу-реку трупами татарскими запрудить?
Замкни, государь князь великий, Оке-реке ворота,
чтобы потом поганые татары к нам не ездили,
уже мужей наших рать утрудила».

(Продолжение битвы)

Того же дня в субботу
на Рождество святой Богородицы
избили христиане поганые полки
на поле Куликове на речке Непрядве.

И крикнув князь Владимир Андреевич умело,
заскакал по рати в полках поганых в татарских,
а золоченым шлемом подсвечивая,
загремят мечи булатные о шлемы хиновские,
и восхвалит брата своего – великого князя Дмитрия Ивановича:
«Брат Дмитрий Иванович!
Ты – у злосчастливого времени железное забрало.
Не отставай, князь великий, со своими великими полками,
не потакай крамольником!
Уже ведь поганые татары на поля наши наступают,
а храбрую дружину у нас потеряли,
а в трупах человеческих борзые кони не могут скакать,
а в крови по колена бродят,
а уже ведь, брат, жалко видеть кровь христианскую.
Не уставай, князь великий, со своими боярами!»

И князь великий Дмитрий Иванович сказал своим боярам:
«Братья бояре и воеводы, и дети боярские!
То – ваши московские «сладкие меда» и «великие места».
Тут добудете себе места и своим женам!»

«Тут, брат, старому помолодеть, а молодому чести добыть».

И сказал князь великий Дмитрий Иванович:
«Господи, Боже мой, на тебя уповаю!
Да не постыжусь во век,
да не посмеются враги мои обо мне!»

и помолился Богу и пречистой его Матери
и всем святым его,
и прослезился горько
и утер слезы.

И тогда, как соколы, быстро полетели на быстрый Дон.

То тебе «не соколы полетели» –
перескакивает князь великий Дмитрий Иванович
со своими полками за Дон со всею силою,
и сказал: «Брат князь Владимир Андреевич!
Тут, брат, испить медовые чары наведенные!
Наедем, брат, своими полками сильными
на рать татар поганых!»

Тогда князь великий начал наступать,
гремят мечи булатные о шлемы хиновские,
и поганые закрыли головы свои руками своими.
Тогда поганые быстро вспять отступили –
и у великого князя Дмитрия Ивановича стеги ревут,
а поганые – бежать,
а русские сыновья широкие поля кликом загородили
и золочеными доспехами осветили.

Уже ведь встал тур на оборону.

Тогда князь великий Дмитрий Иванович
и брат его – князь Владимир Андреевич
полки поганых вспять поворотили
и начали их бить и сечь умело,
тоску им нагоняя,
и князья их попадали с коней,
а трупами татарскими поля засеяли,
и кровью их реки протекли.

Тут поганые разлучились порознь,
и, побежав неготовыми дорогами в лукоморье,
скрежеща зубами своими и царапая лица свои,
сказали так:
«Уже нам, брат,
в земле своей не бывать
и детей своих не видать,
а жен своих не трепать,
а трепать нам сырую землю,
а целовать нам зеленую мураву,
а в Русь ратью нам не хаживать,
а выхода нам у русских князей не спрашивать».

(Последствия поражения Мамаю)

Уже ведь застонала земля татарская, бедами, горем покрывшись,
увяли у царей их желание и у князей – похвальба на Русскую землю ходить,

уже ведь веселье их поникло.

Уже ведь русские сыновья разграбили татарские узорочья,
и доспехи и коней, и волов и верблюдов, и вино и сахар, и дорогое узорочье,
парчу на кички везут женам своим.

Уже жены русские заплескали татарским золотом,
уже ведь по Русской земле распростерлось веселье и буйство,
вознеслась слава русская на поганых хулу.

Уже ведь повержено диво на землю,
и уже грозы великого князя Дмитрия Ивановича
и брата его – князя Владимира Андреевича
по всем землям текут.

Стреляй, князь великий, по всем землям,
стреляй, князь великий, со своею храброю дружиною
поганого Мамай-хиновина за землю Русскую,
за веру христианскую!

Уже поганые оружие свое опустили,
а главы свои приклонили под мечи русские,
и трубы их не трубят, и увяли голоса их.

И отскочил поганый Мамай
от своей дружины серым волком
и прибежал к Кафе-городу.

Молвили же ему итальянцы:

«Зачем ты, поганый Мамай, посягаешь на Русскую землю!
То тебя била орда Залесская, а не бывать тебе в Батые-царя.

У Батые-царя было четыреста тысяч окованной рати,
а воевал всю Русскую землю от востока и до запада,
а казнил Бог Русскую землю за свои прегрешения.

И ты пришел на Русскую землю, царь Мамай, со многими силами:
с девятью ордами и 70 князьями,
а ныне ты, поганый, бежишь сам собой в лукоморье,
не с кем тебе зимы зимовать в поле.

Верно тебя князья русские сильно потчевали: ни князей с тобой, ни воевод?
Видно очень упились у быстрого Дона на поле Куликове на траве ковыле?
Беги ты, поганый Мамай, от нас по Заолешью!»

(Поминание убитых русских воинов)

Уподобилась земля Русская милому младенцу у матери своей:
его же мать тешит, а драки – лозой казнит.

А добрые дела милуют его.

Так и господь Бог помиловал князей русских,
великого князя Дмитрия Ивановича
и брата его – князя Владимира Андреевича
между Доном и Днепром,
на поле Куликове на речке Непрядве.

И стал великий князь Дмитрий Иванович
со своим братом – с князем Владимиром Андреевичем
и с остальными своими воеводами среди убитых
на поле Куликове на речке Непрядве.

Страшно ведь и жалко, брат, в то время посмотреть,
когда лежат трупы христианские, как сенные стога,
у Дона великого на берегу.

А Дон-река три дня кровью текла.

И сказал князь великий Дмитрий Иванович:
«Считайтесь, братья, сколько у нас воевод нет
и сколько молодых людей нет».

Тогда говорит Михайло Александрович – московский боярин
князю Дмитрию Ивановичу:

«Господин князь великий Дмитрий Иванович!

Нет, государь, у нас 40 бояр московских, 12 князей белозерских,
30 новгородских посадников, 20 бояр коломенских, 40 бояр серпуховских,
30 панов литовских, 20 бояр переяславских, 25 бояр костромских,
35 бояр владимирских, 50 бояр суздальских, 40 бояр муромских,
70 бояр рязанских, 34 боярина ростовских, 23 боярина дмитровских,
60 бояр Можайских, 30 бояр звенигородских, 15 бояр угличских.

А посечено от безбожного Мамаю 250 тысяч и три тысячи».

И помиловал Бог Русскую землю.

А татар пало бесчисленно многое множество.

И сказал князь великий Дмитрий Иванович:

«Братья бояре и князья, и дети боярские!

То вам – уготованное место меж Доном и Днепром,
на поле Куликове, на речке Непрядве,

и сложили головы свои за святые церкви,

за землю за Русскую и за веру христианскую.

Простите меня, братья, и благословите в этом веке и в будущем.

И пойдем, брат – князь Владимир Андреевич,
в свою Залесскую землю, к славному городу Москве

и сядем, брат, на своем княжение.

А чести, брат, добыли

и славного имени!»

Богу нашему слава.

* Русская земля – то первое еси как за царем за Соломоном побывала.

Фраза является единственным «темным местом» «Задонщины». Прежде всего отметим, что здесь нет Звательного падежа, как в похожих фразах из «Слова о полку Игореве»: «О Руская земле! уже за шеломянемь еси», «О Руская земль! уже не шеломянемь еси», поэтому здесь – не обращение, а утверждение: «Русская земля – это первое есть...».

В летописных текстах неоднократно встречается выражение «второй после Соломона». Так говорится о мудрости или богатстве того или иного князя. Здесь содержится тот же смысл:

Русская земля – это первое есть, что за царем Соломоном находится. Глагол «бывати» - имеет значение «бывать, находиться, становиться, возникать» (Старославянский словарь под ред. Р.М.Цейтлин, М., 1994, стр.103). Фраза говорит о важности Русской земли: она – первая за Соломоном или по-другому: вторая после Соломона.